

КАРЛ III И КОРОНАЦИЯ: МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ НА ПРИМЕРЕ КАРИКАТУР НОВОСТНЫХ ИЗДАНИЙ

А.В. Дымова¹, *dym.alyona@yandex.ru*,
А.И. Золотайко², *liani@list.ru*,
В.Ю. Карева^{1,3}, *viktoriya-aksy@yandex.ru*.

¹ Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

² Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия

³ Университет Ювяскюля, Ювяскюля, Финляндия

Аннотация. В настоящей статье рассматривается специфика визуальной репрезентации коронации Карла III в новостном аспекте интернет-дискурса на невербальном уровне текста. Исследование политических карикатур, размещенных на печатных и электронных страницах англоязычных периодических изданий, проводится посредством когнитивно-дискурсивного анализа метафор. Охвачены три периода релиза карикатур: после смерти Елизаветы II, в преддверии самой коронации, в первые недели после коронации. Среди 126 проанализированных изображений наиболее доминантными оказались те, что транслировали прагматические смыслы *незрелости, неготовности, несоответствия*, выражаемые атрибутивными признаками монаршей власти: *обувью, головными уборами (корона, шляпка), троном*. Авторы отмечают преобладание иронично-снихождительного вектора репрезентации визуальной метафоры, и причины этого кроются в общественном отношении, сформированном за длительное время до восхождения на престол.

Ключевые слова: креолизованный текст, новостной дискурс, интернет-дискурс, политическая метафора, образ политика, коронация, Карл III

Для цитирования: Дымова А.В., Золотайко А.И., Карева В.Ю. Карл III и коронация: метафорический образ на примере карикатур новостных изданий // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2024. Т. 21, № 1. С. 26–33. DOI: 10.14529/ling240104

Original article
DOI: 10.14529/ling240104

CHARLES III AND THE CORONATION: A METAPHORICAL IMAGE IN NEWS POLITICAL CARTOONS

A.V. Dymova¹, **A.I. Zolotaiko**², **V.Yu. Kareva**^{1,3}

¹ Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

² Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Ekaterinburg, Russia

³ University of Jyväskylä, Jyväskylä, Finland

Abstract. This article considers the unique role of representing the coronation of Charles III within the news aspect of Internet discourse, focusing on the non-verbal aspects of the text. Caricature studies, appearing in both printed and electronic periodicals, are conducted through cognitive-discursive analysis of metaphor. Three distinct periods of cartoon releases are examined: following the death of Elizabeth II, on the eve of the coronation, and during the initial weeks after the coronation. Among the 126 analyzed images, those prevailed that conveyed pragmatic meanings of immaturity, unpreparedness, and inconsistency, primarily through attributive manifestations of royal power such as shoes, headgear (crown, hat), and throne. The authors highlight the predominant ironic and somewhat condescending vector of visual metaphors, attributing this to the public attitude developed over an extended period preceding the accession to the throne.

Keywords: creolized text, news discourse, Internet discourse, political metaphor, image of a politician, coronation, Charles III

For citation: Dymova A.V., Zolotaiko A.I., Kareva V.Yu. Charles III and the coronation: a metaphorical image in news political cartoons. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2024;21(1):26–33. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling240104

Введение

Исследование образа деятелей на современной мировой политической арене представляет широкое поле для лингвистического анализа. Особую популярность приобрели визуально экспликативные работы с подробным описанием креолизованной метафоры, нацеленной на лидеров тех или иных стран [1–5]. Интерес к политической жизни Великобритании остается неизменным на двух уровнях: уровне премьер-министров и членов королевской семьи, что является «результатом внимания со стороны постоянно развивающейся медиа индустрии, поскольку стали появляться и новые визуальные концепты для передачи сюжетных идей, связанных с событиями, личностными качествами и историями о «новых монархах»» [6, с. 24].

Цель настоящей статьи заключается в выявлении специфических черт репрезентации коронации нового монарха Великобритании, Карла III, в новостном аспекте интернет-дискурса на невербальном уровне текста. Актуальность рассматриваемого вопроса обуславливается важностью отношений первого лица Британской монархии с тем наследием и ожиданиями, доставшимися ему от почившей Елизаветы II, а также с политической элитой и обществом в целом. Методом сплошной выборки было отобрано 126 графических файлов, иллюстрирующих восприятие состоявшейся коронации бывшего принца Уэльса. Исследование проводится посредством когнитивно-дискурсивного анализа метафор в рамках новостного аспекта интернет-дискурса на основе креолизованных текстов.

Необходимо отметить, что среди рассматриваемых источников встречаются в основном работы профессиональных художников, размещенные на страницах (как печатных, так и электронных) англоязычных периодических изданий. Отобранные примеры содержат метафоры, в которых вербальный и невербальный компоненты согласно типологии, предложенной М.Б. Ворошиловой, вступают в различного рода отношения: оппозитивные, поддерживающие, параллельные, интерпретативные и др. При изучении психолингвистических методов исследования креолизованного текста отмечается, что их «условно можно разделить на области, характеризующие специфику обработки заключающейся в нем информации: а) процесса восприятия текста, б) представлений о смысле текстовой информации» [7, с. 127]. Визуальная метафора создается на синтезе визуального и вербального образов, причем визуальный образ часто представляет сферу-источник, вербальный же уровень – сферу-мишень [8, с. 110].

Новостной аспект интернет-дискурса в настоящей работе понимается как *особый вид коммуникации, опосредованный новостными средствами массовой информации в околополитической среде*. Особое значение в данном контексте придается влиятельности и авторитету издания, публи-

кующему карикатуры с изображением Карла III: чем больше охват аудитории, тем ярче экспликация общественного восприятия столь значимого события в жизни страны, как коронация короля. Примечателен снисходительно-ироничный вектор большинства креолизованных текстов, объясняющийся несколькими причинами: самое долгое в истории Великобритании пребывание члена королевской семьи в статусе принца, ожидающего очереди на престол, неприязнь к Карлу III в связи с непростыми отношениями с принцессой Дианой, возраст и в связи с ним предпочтение молодой пары Уильяма и Кейт.

Среди 126 проанализированных изображений наиболее доминантными оказались те, что транслировали прагматические смыслы *незрелости, неготовности, несоответствия*, выражаемые атрибутивными признаками монаршей власти.

Аналитический обзор карикатур

Релиз исследуемых в статье карикатур, опубликованных англоязычными новостными изданиями и посвященных коронации Карла III, осуществлялся в три волны:

1) в первые несколько недель сразу же после кончины Елизаветы II 08.09.2022 г., матери и предшественника Карла III;

2) в преддверии самой коронации, состоявшейся 06.05.2023 г., с выраженной активизацией с конца марта 2023 г.;

3) в первые недели после коронации, официальной торжественной процедуры принятия власти монархом.

Независимо от принадлежности к одному из этапов, все рассмотренные карикатуры, эксплицирующие метафору незрелости 74-летнего британского монарха, содержат образ его матери, довлеющей над Карлом III. В принципе, с одной стороны, очевидно, что именно наличие оксиморона и делает исследуемую метафору такой привлекательной для карикатуристов. С другой стороны, имидж почившей королевы был настолько успешен, а образ настолько любим гражданами Соединенного Королевства, что конкурировать с ним новоиспеченному монарху весьма непросто, и не отметить это новостные издания не могут. Так, к примеру, опрос, проведенный Ipsos в 2013 г. [9], показал рекордные 90 % одобрения гражданами страны работы Елизаветы II. Несмотря на то, что рейтинг Карла III улучшается в последние годы, по недавним данным [10], монарх по-прежнему уступает в популярности и одобрении своему старшему сыну, его жене и своей сестре.

Одним из наиболее ярких и частотных образов, вокруг которого центрируется реализация метафоры незрелости Карла III в этих карикатурах, является **головной убор**, если быть точнее два головных убора – корона и шляпка Елизаветы II. При этом первый из них так же нередко сопряжен с пространственной метафорой, действующей

когнитивную антитезу *большой – маленький*, определяющую те объекты, что изображены более крупными как более важные и значимые [11]. Иначе говоря, Карл III попросту теряется на фоне короны, символа монархии и власти, изображаясь слишком маленьким, неспособным и не достигшим уровня развития достаточного для того, чтобы нести на себе такое бремя.

Так, рис. 1 сопровождается репликой Карла III «*A perfect fit*» (или «Идеально подходит»), что прямо противоположно визуальному ряду, где корона, очевидно, ему слишком велика. Данная реплика может также свидетельствовать о том, что, по мнению СМИ и карикатуристов, Карл III сам не осознает, что не готов к той сложной роли, и недооценивает сложность поставленной перед ним задачи, свидетельствуя о его незрелости. Рис. 2 также сопровождается подписью на фоне яркой визуальной метафоры, а именно игрой слов «*A big crown to fill*», которая в привычном обиходе звучит как «*big shoes to fill*», которая не имеет эквивалента в русском, но может быть переведена как «быть вынужденным соответствовать высокой планке, установленной предшественником». Интересно, что Карл III на этом рисунке абсолютно теряется, так как корона занимает большую часть изображения.

Корона при всем том изображается не столько как атрибут власти Карла III, но как инструмент контроля над ним, в частности исходящего от его матери, памяти подданных Королевства о ней и ее

наследии. Так, нынешний король рассматривается с позиции именно сына покойной королевы, ее преемника, которому еще только предстоит доказать свою состоятельность и самостоятельность, но не как обособленный зрелый правитель. Примечательно, что в контекстах такого рода корона принципиально располагается не на голове правителя.

Рис. 3 изображает корону в виде намордника на лице Карла III и сопровождается подписью «*mum's the word*» (или «только чур молчать»); примечательно, что часть этого идиоматического выражения совпадает со словом *мама/mum*, таким образом корона его матери заставляет его молчать о каком-то событии. На рис. 4 новый король берет в руки корону со стола, где стоит фотография с его недавно почившей матерью, как некий памятный атрибут, которые символизируют обязанности, которые ему теперь предстоит унаследовать. Создается впечатление, что новоиспеченный монарх находится под надзором матери, которая строго следит за ним и его действиями со своего портрета.

Метафора незрелости развивается далее при помощи головных уборов. Так, Карл III порой даже не удостоивается подлинной короны, а вынужден надевать узнаваемый символ своей матери – шляпку, либо изображается в детской игрушечной короне. Здесь реализация исследуемой метафоры находится на стыке метафоры шута, так как

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Карл III облачается лишь в пародию на королевскую корону.

Карл III предстает на рис. 5 в шляпке Елизаветы II и проносит реплику «*Maybe this will help me be as well liked as my dear mummy*» (или «Может быть это поможет мне быть таким же популярным, как моя дорогая мамочка»), что свидетельствует о сравнительно низком уровне популярности нынешнего короля по сравнению с предыдущим монархом и его потугах хоть как-то стать популярнее, пусть и таким нелепым образом. На рис. 6 будущий король и его жена удостоены лишь бумажных корон, которые часто носят дети на праздниках. Таким образом, власть нового монарха представляется как что-то игрушечное и нереальное, в то время как портрет его матери гордо висит на стене, изображенный как что-то вечное и достойное уважения. Примечательно сходство рис. 4 и рис. 6, а именно визуализации осуществления контроля над Карлом III его почившей матерью с ее портретов. Очевидно, что дублирование идеи и средства ее выражения связано и с тем, что обе карикатуры были представлены на обложках одного и того же британского журнала (сентябрь и декабрь 2022 г., соответственно). Однако настойчивость, с которой данный образ размещается на обложках крупного британского новостного издания, говорит и о большой важности транслируемой идеи.

Еще одним частым вспомогательным образом карикатур, содержащих метафору незрелости но-

воиспеченного монарха, является **трон**. Исследуемая метафора здесь может быть, с одной стороны, также сопряжена с пространственной метафорой, подобно рис. 1 и рис. 2. С другой же стороны, реализация метафоры происходит на кинестетическом уровне креолизованного текста и при помощи противопоставления образу ребенка. Все они объединены транслируемой неловкостью от необходимости нахождения на месте монарха.

Трон на рис. 7 слишком велик для Карла III, а сам он выглядит как ребенок на большом стуле взрослых – расстроенный и потерянный. рис. 8 идет еще дальше и его трон изображен маленьким игрушечным троником на реальном троне его предшественницы, делая самого короля миниатюрным и незначимым по сравнению даже с Биг-Беном на фоне гигантского трона Елизаветы II. Трон в обоих случаях символизирует наследство последней королевы, на фоне которого новый король просто теряется. Как и в случае с применением антитезы в контексте рис. 1 и рис. 2, карикатурами с троником поднимается вопрос о зрелости и готовности короля справиться со своей новой ролью в качестве правителя страны.

Король на рис. 9 хоть и представлен на троне и в короне, но вместо скипетра и державы в его руках ручка и цветок в горшочке – вещи, иллюстрирующие различные скандальные ситуации из его жизни. Гримаза Карла III здесь крайне гипертрофирована, что он даже выглядит как будто выжившим из ума. В отличие от других изображений, трона за ним поч-

Рис. 5

Рис. 6

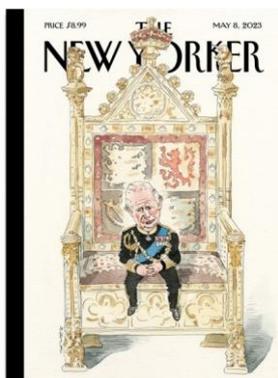

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 9

Рис. 10

ти не видно, и он напоминает скорее неудобный стул, нежели что-то величественное и большое. Рис. 10 играет с контрастом вещей, передаваемых от старших младшим (см. «hand-me-downs»): слева мы видим обычного мальчика в одежде его родителей/старших братьев, справа – Карла III, облаченного в типичные атрибуты монарха, со скипетром и державой и большим количеством денег в придачу. Примечательно здесь не только юмористическое сравнение того, что получает от старших обычный ребенок и что монарх, но и именно само противопоставление Карла III в своем преклонном возрасте ребенку.

Важно отметить, что на рис. 9 и рис. 10 лицо короля выражает сильное недовольство, смущение, неловкость от своего нахождения на престоле.

Рис. 11

В обоих случаях у нового монарха преувеличенно огромные уши и крайне неестественное выражение лица и улыбка.

В целом, независимо от вспомогательного образа реализации метафоры, применение пространственной метафоры на основе антитезы представляется нам весьма продуктивным. Такими образами, кроме рассмотренных выше короны и трона также предстают **следы/туфли** Елизаветы II. В очередной раз Карл III оказывается слишком мал на их фоне.

В случае с рис. 11 фигура Карла III очень мала, ведь он идет по следам предыдущей королевы, ее вклад, очевидно, оценивается как гигантский, до чего новый король не дорос. Рис. 12 играет с тем же высказыванием, что и рис. 2, но будущий

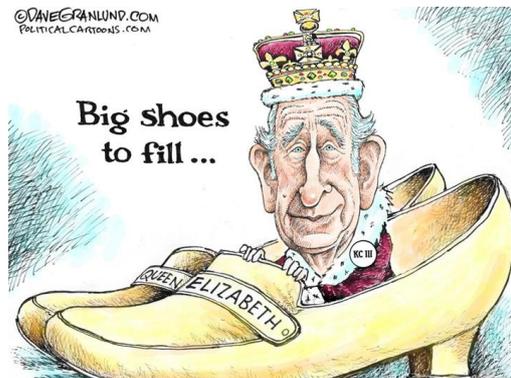

Рис. 12

Рис. 13

Рис. 14

Рис. 15

король здесь буквально сидит в туфлях предыдущей королевы. Надпись на самих туфлях не оставляет и тени сомнения, что это именно ее «ботинки» велики, и Карлу III нужно очень постараться, чтобы «оправдать ожидания» и сравниться с предшественницей.

Наконец, еще один распространенный способ реализации метафорического образа Карла III в качестве незрелого ребенка осуществляется в исследуемых креолизованных текстах при помощи вербального уровня, а именно таких лексем, как *baby*, *child*, *young* и проч. Очевиден тот факт, что новостными изданиями в смысловой центр карикатур выносятся и подчеркивается то, как долго Карлу III пришлось ждать своего восхождения на престол, став тем самым старейшим королем Соединенного Королевства на момент начала своего правления.

На рис. 13 новый король, будучи уже солидного возраста, говорит «*make way for the young*» (или «*дорогу молодым*»), что, безусловно, так, ведь он моложе королевы, но при этом и комично, так как он уже далеко не молод. Очевидная насмешка над этим фактом представлена и на рис. 14, где под фразой «*потихоньку*» или буквально «*детскими шагами*» (см. «*baby steps*») лицо нового короля красуется на купюре из монополии, нежели на реальной банкноте. Таким образом, опять подчеркивается его незрелость, несмотря на его солидный возраст, ведь монополия – детская игра. Иными словами, монарх не только совершает свои «первые детские шаги», но и не устает карикатуристами реальных купюр со своим профилем, как и настоящей короны (см. рис. 5 и рис. 6). Рис. 15 едко подшучивает над будущим королем используя образ распятого Иисуса, которому сопереживает Карл III со словами «*being a nepo baby is hard*». Термин «*дитя кумовства*» (см. «*nepo baby*») ярко передает, что полученный королем титул не заслужен им, а лишь передан ему ввиду его родственных связей с королевой. Иронично, что в данном контексте будущий король рассматривает огромные богатства и статус как обременение, сравнимое со страданиям Христа, нежели как источник огромных привилегий.

Выводы

Подводя итог, стоит отметить, что в англоязычных новостных изданиях для изображения

Карла III и реализации метафоры незрелости активно используются атрибуты власти королевы Елизаветы II. Основные образы связаны с ее *следами*, *обувью*, *головными уборами (корона и ее шляпка)*, *троном*. Так, они изображены огромными в сравнении с нынешним королем, на их фоне он теряется, предстает маленьким, незначительным, неготовым и неспособным справиться с новым статусом. Карл III часто наделяется атрибутами ребенка, незрелого на фоне предыдущего монарха, посредством, например, бумажной короны на голове, профиля на игрушечной банкноте из монополии вместо реальной купюры. Реплики, приписываемые ему в контексте карикатур, свидетельствуют о его неготовности к роли монарха и тому, что он уступает своей матери в популярности. В то же самое время, присутствуют шутки над его солидным возрастом, так как он старейший король Соединенного Королевства на момент начала своего правления. Это наиболее часто подкрепляется лексемами (см. *baby*, *child*, *young* и проч.), которые Карл III использует в отношении себя в контексте карикатур.

Все это высмеивание монарха официальными англоязычными новостными изданиями, конечно же, удивляет, особенно на фоне улучшающихся рейтингов популярности Карла III. Одна из возможных причин этому в отношении британских СМИ, кроме реального недовольства и неудовлетворенности новым королем по разнообразным поводам, может быть наиболее точно объяснена цитатой из книги британского антрополога К. Фокс: «*англичане будут радостно стонать и жаловаться обо всем на свете, включая то, чем они на самом деле гордятся и любят... Отношение к монархии, по сути, представляет собой ... много цинизма и стенаний, но немного скупой привязанности и гордости, и нервного негодования, если посторонние осмеливаются критиковать*» [перевод авторский – 12, с. 74]. В свою очередь, столь фривольное и неприязненное отношение американских изданий к Карлу III и его коронации объясняется ими самими тем фактом, что антимонархизм прописан в конституции США [13], и сама история страны подталкивает американцев к присутствию ярко выраженной поляризации мнений относительно института монархии [14].

Список литературы

1. Аллахвердиева А.М. Особенности политического дискурса Терезы Мей // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2019. № 6 (822). С. 171–183.
2. Детинко Ю.И., Григорьев, Р.И. Интерпретация прецедентных визуальных образов в британском политическом дискурсе // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2019. № 1, т. 1. С. 22–28.
3. Катермина В.В., Вульфович Б.Г. Лингвопрагматический потенциал политического интернет-дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 2. С. 19–25.
4. Надточева Е.С., Чудинов А.П., Шустрова Е.В. Барак Обама в американской и российской политической графике // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 2. С. 12–25.
5. Хафизова А.А. Особенности речевого воздействия английского политического дискурса (на примере речи Бориса Джонсона, произнесенной на 74-й Генеральной Ассамблее ООН) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 6. С. 210–216.
6. Мухутдинова Н.Р. Специфические черты изображений Елизаветы II в комиксах // *Universum: филология и искусствоведение*. 2023. 1 (103). С. 24–30.
7. Ворошилова М.Б., Злоказов, К.В. Психолингвистические методы исследования креолизованного текста // Политическая наука. 2017. № 2. С. 126–137.
8. Ворошилова М.Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. 193 с.
9. Ipsos. Satisfaction with the Queen at record high [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ipsos.com/en-uk/satisfaction-queen-record-high> (05.05.2023).
10. Ipsos. Coronation 2023: Attitudes towards the Royal Family [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ipsos.com/en-uk/coronation-polling-2023> (05.05.2023).
11. Петрова О.О. Когнитивная антитеза концептов большой, великий – малый, маленький (культурно-идеологические созначения) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 4 (41). С. 30–34.
12. Fox K. Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour. London: Hodder & Stoughton, 2005. 424 с.
13. Oppenheimer M., Boycott the Royal Wedding [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://slate.com/human-interest/2011/04/boycott-the-royal-wedding-americans-are-supposed-to-hate-monarchs-not-worship-them.html> (15.05.2023).
14. Creamer E., King Charles is too political for the USA [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.politico.com/news/magazine/2022/09/08/king-charles-activist-unpopular-america-00055757> (15.05.2023).

References

1. Allahverdiyeva A.M. Osobennosti politicheskogo diskursa Terezy Mej [The Peculiarities of Political Discourse of Theresa May]. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities]. 2019, no. 6 (822), pp. 171–183.
2. Detinko Yu.I., Grigoryev R.I. Interpretacija precedentnyh vizual'nyh obrazov v britanskom politicheskom diskurse [Interpretation of Precedent Visual Images in British Political Discourse]. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Taticshheva* [Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatischev]. 2019, no. 1, vol. 1, pp. 22–28.
3. Katermina V.V., Vulfovich B.G. Lingvopragmaticheskij potencial politicheskogo internet-diskursa [Linguopragmatic Potential of Political Internet-discourse]. *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics]. 2019, no. 2, pp. 19–25.
4. Nadtocheva E.S., Chudinov A.P., Shustrova E.V. Barak Obama v amerikanskoj i rossijskoj politicheskoy grafike [Barack Obama's Image in American and Russian Political Cartoon]. *Vestnik Juzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika* [Bulletin of the South Ural state university. Series: Linguistics]. 2017, no. 2, pp. 12–25.
5. Khafizova A.A. Osobennosti rechevogo vozdejstvija anglijskogo politicheskogo diskursa (na primere rechi Borisa Dzhonsona, proiznesennoj na 74-j General'noj Assamblee OON) [Specificity of Speech Influence in the English Political Discourse (by the Example of Boris Johnson's Speech at the 74th Session of the UN General Assembly)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice]. 2020, no. 6, pp. 210–216.
6. Muhutdinova N.R. Specificheskie cherty izobrazhenij Elizavety II v komiksah [Specific Features of Images of Elizabeth II in Comics]. *Universum: filologiya i iskusstvovedenie* [Universum: philology and art studies]. 2023. no. 1(103). pp. 24–30.
7. Voroshilova M.B., Zlokazov K.V. Psiholingvisticheskie metody issledovaniya kreolizovannogo teksta [*Psycholinguistic methods for creolized text analysis*]. *Politicheskaya nauka* [Political Science]. 2017, no. 2. pp. 126–137.
8. Voroshilova M.B. *Politicheskij kreolizovannyj tekst: klyuchi k prochteniyu* [Political creolized text: keys for reading]. Ekaterinburg, Ural. gos. ped. un-t, 2013. 193 p.

9. Ipsos. Satisfaction with the Queen at record high. URL: <https://www.ipsos.com/en-uk/satisfaction-queen-record-high> (accessed: 05.05.2023).
10. Ipsos. Coronation 2023: Attitudes towards the Royal Family. URL: <https://www.ipsos.com/en-uk/coronation-polling-2023> (accessed: 05.05.2023).
11. Petrova O.O. Kognitivnaya antiteza konceptov bol'shoj, velikij – malyj, malen'kij (kul'turno-ideologicheskie soznacheniya) [Cognitive Antithesis of the Concepts Big/Great – Small (Cultural and Ideological Meaning)]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics]. 2014, no. 4 (41), pp. 30–34.
12. Fox K., *Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour*. London, Hodder & Stoughton, 2005. 424 p.
13. Oppenheimer M., Boycott the Royal Wedding. URL: <https://slate.com/human-interest/2011/04/boycott-the-royal-wedding-americans-are-supposed-to-hate-monarchs-not-worship-them.html> (accessed: 15.05.2023).
14. Creamer E., King Charles is too political for the USA. URL: <https://www.politico.com/news/magazine/2022/09/08/king-charles-activist-unpopular-america-00055757> (accessed: 15.05.2023).

Информация об авторах

Дымова Алена Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и перевода, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; dym.alyona@yandex.ru

Золотайко Анастасия Игоревна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры иностранных языков, Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия; liani@list.ru

Карева Виктория Юрьевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков и образовательных технологий, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; аспирант Университета Ювяскюля, Ювяскюля, Финляндия, viktoriya-aksy@yandex.ru

Information about the authors

Alyona V. Dymova, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Translation, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia; dym.alyona@yandex.ru

Anastasia I. Zolotaiko, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Department of Foreign Languages, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Yekaterinburg, Russia; liani@list.ru

Victoria Yu. Kareva, Assistant Professor of the Department of Foreign Languages and Educational Technologies, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia; PhD student of University of Jyväskylä, Jyväskylä, Finland; viktoriya-aksy@yandex.ru

***Статья поступила в редакцию 18.05.2023.
The article was submitted 18.05.2023.***